

Татьяна
Алюшина

Мой слишком
близкий друг

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

Мой слишком близкий друг

«ЭКСМО»

2012

Алюшина Т. А.

Мой слишком близкий друг / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2012 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-60510-1

Марта – успешная, уверенная в себе девушка, у которой всё есть: любимая работа в престижной компании, заботливые родители, обожаемые братья и лучший друг Митя, всегда готовый примчаться на любой конец света, если Марта в беде. Но личная жизнь не складывается – череда неудачных романов вводит девушку в депрессию. В попытке помочь подруге Митя увозит ее в другую страну, а там Марте нужно принять нелегкое решение – либо окунуться с головой в новые отношения и потерять лучшего друга, либо – сохранить дружбу и навсегда остаться несчастной.

ISBN 978-5-699-60510-1

© Алюшина Т. А., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Алюшина

Мой слишком близкий друг

Ветер, словно расшалившийся ребенок, то едва, как-то игриво, веял, то обрушивался со всей силы; то внезапно затихал, то снова неожиданно резко дул, тревожа морскую поверхность, отвечавшую ему мелкими колкими волнами, и осыпал набережную и редких прохожих брызгами, больше похожими на туманную взвесь, оседавшую и поблескивавшую на предметах, как иней.

Я не чувствую ни сырости, ни холода и не разделяю детской жизнерадостности ветра, только безотчетно все поправляю и поправляю сдуваемую на глаза прядь волос, не догадываясь, что можно просто заправить ее под шапку. Вспоминать, думать, размышлять у меня получается плохо – отстраненно, без эмоций и желания что бы то ни было делать. Я вообще мало что чувствую и ощущаю. Уже давно.

Четыре месяца и двадцать два дня назад мой мир стал стерильно-бесчувственным. Все вокруг я вижу в серо-черном цвете, лишь немного окрашенном оттенками, словно сильно размытая водой акварель на листе бумаги, звуки слышу приглушенно, как через толстый слой ваты, ну а чувства и ощущения практически исчезли – ни запахов, ни вкуса, ни боли, ни страха и обиды. Ничего, словно я уже умерла и наблюдаю эту странную суетливую жизнь из какого-то другого измерения. А может, мне просто кажется, что я еще живу? Четыре месяца и двадцать два дня. Зачем-то я считаю дни – это единственное, что я делаю осознанно.

Ветер снова кинул мне на глаза прядь волос и обдал мелкими солеными брызгами, я откинула волосы и отыскала взглядом Митю, весело беседующего со знакомым рыбаком.

Мы во Франции, в Трувиле, на рыбном рынке. Очень раннее январское воскресное утро. Наверное, холодно – не знаю, мне безразлично, но люди кутаются в одежды, прячут носы в высоко поднятые воротники, поеживаются. А я забыла перчатки, вспомнила про них, когда обратила внимание на свои голые руки, и спрятала ладони в рукава пальто, чтобы Митя не заметил. Иначе он непременно побежит за перчатками и шарф еще какой-нибудь прихватит для тепла, и примется кутать меня, и испереживается весь, что недоглядел, и станет разговаривать со мной, как с душевнобольной, напоминая в десятимиллионный раз, что надо за собой следить...

А у меня все пусто внутри, вытравлено, мне ничего этого не надо, мне даже не стыдно, что моя душа полный банкрот и нечем, совсем нечем платить ни ему, ни кому бы то ни было иному за заботу, за беспокойство обо мне, за любовь... или нелюбовь.

Еще слишком рано, рынок пока закрыт для покупателей, но нас с Митей пустили – его тут многие знают, уважают, а кто-то из рыбаков даже считает себя его другом, как Марсель, с которым они сейчас оживленно разговаривают и смеются. Митя покупает у него устриц и какую-то рыбу и все оборачивается и смотрит на меня, как будто боится, что я могу исчезнуть, улыбается мне немного печально, ободряюще кивает.

Я отвернулась от его обеспокоенного взгляда и снова принялась смотреть на море. Так гораздо проще, уж оно-то от меня ничего не ждет – плещется себе острыми пиками небольших холодных волн, проживая таинственную и непростую жизнь.

Ветру надоело играть только с морем, набережной и людьми, не обращающими на него внимания, и он принялся за нависшие над горизонтом низкие темные тучи. Они нехотя, недовольно закопошились, подчиняясь этому проказнику, стали перемещаться громадными серыми телами, переваливаясь с боку на бок, распадаясь на большие клочья. И вдруг посреди туч образовалась большая прореха, сквозь которую вырвалось на свободу молодое, раннее солнце, и розовато-оранжевые лучи ударили мне в глаза, заливая радостным светом мир вокруг.

Несколько мгновений я не могла дышать, оторопев от прорвавшейся сквозь серость моего бытия яркой, слепящей жизни. Глазам стало больно, по щекам потекли слезы, и я их чувствовала!

Господи, боже – я чувствую!

И тут же, испугавшись, что это мгновение прямо сейчас закончится, я сильно-пресильно зажмурилась, пытаясь задержать, ухватить, остановить его... И вдруг осознала, что у меня замерзли пальцы рук. Пугливо-медленно я открыла глаза... – солнце, посмеиваясь, так и палило мне в лицо оранжевым лучом! И я улыбнулась! По-настоящему! Честно, искренне! Подняла к глазам кисти рук и благоговейно рассматривала побелевшие от холода пальцы – я чувствовала, что замерзла! Понимаете – чувствовала!

Я развернулась к рынку... И на меня без предупреждения, как неожиданный удар, обрушились с невероятной силой и насыщенностью чувства, ощущения! Пронзительно кричали чайки, встававшие на крыло против ветра и зависавшие в небе, гортанно переговаривались торговцы-рыбаки, между делом посмеиваясь и отпуская сомнительные шуточки, переливался под лучами солнца колотый лед на лотках, поблескивали перламутровые чешуйки на рыбе, остро и пряно пахло морем и благородной рыбной свежестью.

И все это я чувствовала! Так невероятно, неправдоподобно сильно! После без малого пяти месяцев заточения в полном безразличии и бесчувствии, с такой ошеломляющей, на грани переносимости, силой, так мощно, яростно, бескомпромиссно на меня обрушилась жизнь!

И тут я натолкнулась на взгляд Мити! Его лицо, глаза выражали столь же сильные и мощные эмоции: откровенное потрясение, и неверие, и надежду, и огромную радость... Но еще в его взгляде была любовь!

Кажется, у меня текли слезы – не знаю, не важно. Я смотрела на него, улыбалась, и мне казалось, что ничего более потрясающего и прекрасного я никогда не проживала.

А Митя, не глядя, сунул изумленному Марселю пакеты с купленной рыбой и морепродуктами и уже спешил ко мне между рядами, оббегая людей, лотки, грузовые тележки, ящики с рыбой и льдом и ни на мгновение не отпуская моего взгляда.

Я Марта Галант. Никакой иностранщины, абсолютно русская барышня с обеих сторон – маминой и папиной до каких-то там замшелых колен предков.

Имечком наградила меня любящая мамулька, ну а фамилия, как водится, досталась от папеньки. Матушка моя, будучи молодой девицей с перебором романтизма, чувством социалистической справедливости и увлеченности, насмотревшись блокбастера тех времен под названием «Долгая дорога в дюнах», настояла, чтобы доченьку назвали именем главной героини. Основной аргумент:

– Пусть будет как Марта: такая же красивая, умная и заграничная, иностранная!

– Леночка, – осторожно возражал папа, – а ты хорошо помнишь, как эта твоя Марта настрадалась, на кой черт нашей дочке такая судьба? Говорят же бабки: нельзя ребенка ни в чью честь называть.

– Да ерунда это! Сказки! – возмущалась мама и настаивала: – Ты помнишь, какая она была в конце фильма? Прямо Европа! Дома в выходной, а одета, как на выход, накрашена и на каблуках. Вот пусть и моя доченька станет умницей, красавицей, европейкой и живет в таком большом доме, в котором надо ходить только при параде!

Папа решил не спорить – ну Марта так Марта, что уж теперь! Сыночку старшему тоже повезло с имечком: уперлась мамуля – будет Лев, такой же сильный, красивый, вожак... Вот и ходим мы с братцем – Лев и Марта Галант! Ну прямо цирковые акробаты или дрессировщики. Кстати, папуля, посмеиваясь, уверял меня с младенчества, что с таким именем-фамилией пря-

мая дорога в артистки, особенно эстрадного жанра, писатели-поэты или, в самом крайнем случае, действительно в цирковые.

С фамилией же связана целая легенда, как утверждают, вполне правдивая, даже где-то в архивах старинных задокументированная.

Жил в деревне Зайцы известный на всю округу и далее, аж до самого Великого Новгорода, плотник Пантелей. Знатный был мастер, великий умелец, такие чудеса творил топором, что люди ахали. И носил он простую фамилию Кузьмин, впрочем, полдеревни были Кузьмины, как водится – родня дальняя да близкая.

А в те времена наладился царь Петр новый город возводить на болотах, у озера, значит, да и самое что чудное – флот строить, и отправил по всем селам и весям людей специальных сгонять на стройки те умельцев мастеровых да и простых мужиков на работы. Пантелея-то в первых рядах забрали, специально за ним в Зайцы посыльный прискакал, наслышанный о мастере известном. Уж как Фрося, жена его, убивалась, когда мужик родной со двора уходил, как на погибель провожала. Да и то сказать – а куда ж! Мерли да гибли, да хворей смертных набирались на тех болотах мужики что ни день! Страх господень!

Может, и Пантелея судьба страшная не обошла бы, когда б не случай один. Прознал как-то царь-батюшка про мастера-плотника знатного. Уж как прознал, то неведомо – кто-то из соратников доложил, не иначе, да только царь-то прямиком в плотницкие ряды да как гаркнет:

– А ну, где тут мастер этот известный?

И глазом как сверкнет!

Пантелея ратники за шиворот пред светлы очи царя-батюшки и притащили. А Пантелея-то, хоть и страшно ему, был не прост, виду-то не подал, что боязно, не стушевался, поклонился до земли царю Петру и чинно так отвечает:

– Я мастер.

– Ну покажи дела свои! – приказал царь-батюшка.

И так царю Петру работа Пантелея понравилась, что он его враз с собой забрал, вольную дал ему и семье его и отправил в страну чужеземную, называемую Голландией, учиться корабельному плотничеству да украшательству зодческому.

Страшно сказать, чего натерпелся Пантелей, по морю на корабле до той Голландии добираясь, чуть все нутро не вывернулось, пластом лежал, еле на землю выбрался. Но ничего, добрался.

Чудные эти иноземцы оказались, но мастеровые, все как один, к тому же хозяева знатные, крепкие, и все у них не как у нас. Язык их Пантелей так и не освоил, только слова какие-никакие, да мастерам говорить и не надо особо, они делами да уменьем разговаривают. Много интересного узнал Пантелей, а когда вернулся, сам царь его прямиком на работу отправил и семью разрешил привезти поближе.

А однажды привел царь с собой господина какого-то иностранного – в парике крученом, в камзоле расшитом с кружевами на рукавах. Царь-батюшка показывал ему дела свои, доки скорые, корабли строящиеся, так с осмотром они и добрались до Пантелея в его плотницком цеху. Иноземец рассматривал работу мастера и прицокивал да головой покачивал от удивления и восторга, все что-то лепетал не по-нашему, а приглядевшись к умельцу, так и ходившему в голландских одежках после приезда, понимающе заявил:

– А-а, Holland!

Царь-батюшка как рассмеется да как хлопнет иноземца по плечу, что тот только крякнул да присел слегка, покраснев с испугу, а Петр-то наш и говорит:

– У нас умельцы получше иных будут!

И толмач, что рядом с иностранцем-то крутился, ему перевел, что царь говорит, а иноземец аж глаза выпучил от удивления и переспрашивает:

– Not Holland?

– Нет, не Голланд, – довольно сквозь смех уверил царь-батюшка. – Наш, государства Российского талант! У нас своих мастеров уникальных много! Не Голланд!

С тех пор стали Пантелея окликать не по фамилии, а все Голланд и Голланд. Сначала для смеху и вспоминая у костра артельного за похлебкой горячей, как царь-батюшка над иноземцем шутил да как тот глаза выпучивал. А потом так и прилипло, как исподнее после бани. Кто, спросят, старшой ваш? А ему в ответ: Пантелей Голланд.

Так и повелось, а потом уж и писарь-дурак в реестре записал вместо фамилии Кузьмин – Галант: и Пантелея самого, и жену его Ефросинью, и семерых их деток. Навсегда и остались Галант, и никуда не денешься, в государевых бумагах прописаны.

Несколько поколений продолжали мастеровую плотницкую династию Пантелея, а потом заделались купцами, перебрались в Москву: и в Европах торговали, и в Отечественную войну двенадцатого года все мужчины Галант воевали, и войска снабжали мануфактурой и едой, и столицу после пожара восстанавливали. В революцию семнадцатого никто из семьи не эмигрировал, все в России остались по идейным убеждениям... в ней и полегли. Семья была большая, в каждом поколении не меньше пяти детей рождалось – всех извели, кого в Гражданскую расстреляли, кого в тридцатые.

Чудом уцелел только дед Семен Петрович Галант. Его как ребенка из семьи врагов народа отправили в специальный детский интернат, а затем в ремесленное училище, где Семена и застала война. Ему шестнадцать было, но большой, кряжистый в породу свою, он выглядел старше, вот и приписал себе в документах два года и ушел на фронт добровольцем. И прошел всю войну, до Берлина дошел. Раненый-перераненный, контуженый, но живой! А это главное!

Умер, к сожалению, мой прекрасный дедушка Семен семь лет назад, на восьмидесятом году жизни. Умер, как и мечтал, не лежал, не болел, обузой никому не был: бодрый, энергичный, невероятно юморной, саркастичный, мудрый – заснул и не проснулся. Вечная ему память!

Не знаю как кому, а мне имя и фамилия мои очень нравятся. Братцу моему так вообще с этим повезло: для журналиста броское имя – не последнее дело, и согласитесь, что Лев Галант звучит несколько экзотично: пойдешь разберись, что за Лев такой, а заинтересовавшись именем, глядишь, и статейку его прочитаешь. А не прочитаешь, так имя-фамилию точно запомнишь. Чем не начало славы?

Впрочем, я совсем о другом.

То, что произошло со мной, началось с моей замечательной квартирki. Хотя нет, гораздо раньше, с событий, которые и привели к тому, что я заимела собственную отдельную квартиру. Все глобальные перемены начались восемь лет назад с несчастья в нашей тогда еще небольшой семье.

Восемь лет назад мой папа Павел Семенович влюбился и ушел от нас к другой женщине. Мне было двадцать два года, моему брату Левке двадцать шесть, мы считались уже условно взрослыми, выращенными, воспитанными и вполне самостоятельными детьми, поэтому никак не могли повлиять на решение отца.

Отец у меня классный! И мама замечательная!

Но в жизни бывают всякие дела – и праведные и не очень, и справедливые и ровно наоборот. В тот момент это казалось нам с братом предательством, и мы с Левкой страшно переживали за маму и обвиняли отца, как и положено в нормальных семьях.

И произошло это событие для нас с Левкой неожиданно, как гром среди того самого ясного неба. Молодые и эгоистичные, мы с братцем, прямо скажем, были не очень внимательны к родителям и напряжения между ними или непонятки каких не замечали и знать не знали, что и как у них там происходило. А они втихаря от нас обсуждали проблему, принимали какие-то решения и отдалялись друг от друга. И ладно Левка – мужик и живет отдельно от нас,

самостоятельной жизнью. Но как я могла проморгать назревающую беду? Чем таким важным занята была, что не видела, как осунулась и сникла мама, как посуровел отец и как делись куда-то смех, шутки и радость, всегда жившие с нами, а поселилось рядом холодное отчуждение между родителями. Не видела и не замечала, словно жила в другом измерении, и ругай не ругай себя, а однажды вечером...

Отец пропустил вперед Левку и зашел в квартиру следом за ним.

– Батя сказал, есть серьезный разговор, – объяснил Лев, целуя вышедшую им навстречу маму. – И подхватил меня у метро. Привет, сестрень! – Он сграбастал меня в объятия и чмокнул в нос.

– Привет, братень, – уцепила я его за оба уха и ответно чмокнула. – Всех противных гадов разоблачил?

– Еще не всех... – Левка поставил меня на пол. – Но динамика обнадеживающая.

– Читала я твою динамику, – похлопала я его снисходительно по плечу. – Слог хороший, шуму много, а результат где?

Лева у нас журналист с большими амбициями, планами и задумками, он мечтает стать известным телевизионным репортером, писать на злободневные темы: военные конфликты и всякое такое, что поопаснее и заковыристее. Ну вот такая у парня мечта-идея. Работает в крупной серьезной газете, а еще ведет свою интернет-газету и мотается по всей стране и за рубеж, правда, пока без стрельбы и горячих точек.

– Все, дети, потом поговорите, – остановила нас мама. – Руки моем и за стол, а то ужин остывает.

Вот там, за остывающим ужином, папа официально все и сообщил.

– Дети, – он замялся, кашлянул, но справился с собой, даже плечи распрямил, – Марта, Лева. Я встретил женщину, полюбил, и мы собираемся жить вместе. Вот так...

– Я что-то не понял, батя... – начал было совершенно ошарашенный Левка.

– А что тут понимать! Ваш отец полюбил другую женщину и собирается на ней жениться! – Мама резко поднялась, отошла к окну и прикрыла глаза рукой беззащитно-усталым жестом. – Что тут непонятного? Вы уже взрослые, Марта институт нынче окончила, на работу устроилась, ты, Лева, вообще мужик самостоятельный. Отец вас вырастил, на ноги поставил, теперь можно и о себе подумать.

– Как о себе? – тупил братец. – А о тебе кто будет думать?

– Я сама о себе подумаю, – твердо заявила мама, поворачиваясь к нам, решительная, словно и не было минуту назад жеста, так явно выдающего усталость.

– В жизни всякое бывает, – тихо оправдывался отец. – Так получилось.

– Что значит «так получилось»? – проснулся-встрепенулся в братце журналюга. – Тебя окрутила какая-то молодая девка, а мать, значит, можно обижать? Нас бросать, семью разрушать? Вот так просто?! Ты что, батя, не понимаешь, что ты лакомый кусок? Здоровый мужик, спортивный, подтянутый, молодой еще, тебе и полтинника нет, бизнес свой, пусть не олигарх, но обеспеченный!

– Лева, прекрати! – хлопнул ладонью по столу, обрывая пламенную речь брата, отец. – Ты ничего не знаешь ни об этой женщине, ни о наших отношениях и не смеешь о них судить! Тем более говорить о ней в таком тоне!

– А в каком тоне я должен говорить о женщине, которая разбивает нашу семью?! – навис над отцом Левка.

– Она здесь ни при чем! – тоже поднялся отец, оказавшись лицом к лицу с сыном. – Это только мое решение, Майя была против! Она настаивала, чтобы мы расстались и оставили все как есть! А я понимаю, что, как прежде, уже не будет!

– Ты предаешь мать, ты предаешь нас с Мартой! – проорал Левка. – Я даже представить не мог, что ты такая же дешевка, как все те возрастные мужики, которые сейчас пачками женятся на молодых сучках, только чтобы доказать свою мужскую состоятельность!

– Лева, прекрати!! – бросилась к сыну мама.

А отец влепил ему пощечину. Сильно так влепил. Весомо.

Левка потер щеку, побуравил взглядом отца, раздувая ноздри и поигрывая желваками, развернулся и вышел из кухни, и через пару мгновений хлопнула входная дверь, да так, что зазвенели хрустальные висюльки на люстре, и все вздрогнули.

Мы так и стояли втроем – папа, мама и я – в наступившей тишине, и я испытывала сильное душевное неудобство за себя, за Левку, дурака такого, за папу, испортившего нашу хорошую жизнь, за маму, которая почему-то не смогла удержать его в этой хорошей жизни.

– Сколько ей лет? – Я не успела осознать, зачем и о чем спрашиваю.

– Сорок два, – отстраненно ответил папа.

– На молодую девицу, по-моему, не катит, – отметила я очевидный факт и вышла из кухни.

Папа, собрав небольшую сумку на первое время, ушел тем же вечером из дома. Он пытался со мной поговорить, объяснить что-то, попрощаться, но я заперлась в своей комнате и разговаривать с ним отказалась. И мама ушла к себе, сославшись на головную боль.

В доме поселились тоска и несчастье.

Мама бродила вечерами по квартире или сидела часами на кухне над пустой чайной чашкой – потерянная, рассеянная, все думала о чем-то, не жаловалась, отказывалась обсуждать ситуацию или поступок отца.

Я на отца ужасно обижалась, плакала, жалела маму и себя и никак не могла поверить, что можно в один момент вот так все сломать.

Господи, мне было двадцать два, что я могла понимать о жизни: максималистка на всю голову – это черное, это белое, это правильно, это неправильно, и никаких иных вариантов! Девочка из благополучной семьи, которая ничего тяжелее пакета с продуктами не носила, и то от машины до квартиры, и у которой самым большим разочарованием в жизни был эпизод, когда школьная подруга наговорила всяких гадостей и небылиц мальчику, который нам обоим нравился. Честно сказать, подруга-то была и не подруга вовсе, и мальчик не так чтобы любовь до гроба, зато вот такой жизненный опыт.

Экзаменов и преподавателей я никогда не боялась, училась легко и с удовольствием, особо не перетруждаясь, все предметы давались мне легко и в школе, и в институте.

Разумеется, я не была настолько уж оторвана от действительности, подростковый период моей жизни пришелся на девяностые, и оставаться абсолютно не в теме того, что творится вокруг, не получилось бы ни у кого. Но родители и Левка меня оберегали, и я совсем была не в курсе, как отцу и дядь Мише, его другу и партнеру, доставался их бизнес. Это потом, намного позже, отец как-то поделился несколькими воспоминаниями о тех годах, так у меня волосы зашевелились от страха, когда я представила, что им пришлось пройти. А тогда у меня была своя девичья жизнь, и что там происходит у папы, я не задумывалась.

Даже когда однажды чем-то сильно озабоченная мама забрала меня прямо с урока физики, и мы уехали на чью-то дачу, где нас уже ждали папа с Левкой и бабушка с дедушкой Галант, с которыми в то время мы жили в их квартире. Мама объяснила, что у нас дома обнаружили какое-то отравляющее вещество, что-то непонятное, и пока будут дезинфицировать квартиру, мы проживем здесь. Прожили мы на даче десять не самых веселых дней. Во-первых, дом оказался летним, и в нем было постоянно холодно, приходилось обходиться без воды, потому что зима, трубы замерзли; во-вторых, почему-то нельзя было ни с кем связываться и никуда ездить, электричество периодически отключалось – телик не посмотришь, компа,

разумеется, нет. Зато в доме обнаружилось очень много старых книг, целые шкафы на втором этаже, вот в них мне копать оказалось интересно: и что-то читать, просматривать.

И только много лет спустя я узнала, что мы прятались от бандитов, которые шантажировали отца с дядь Мишей, и все было ужасно страшно, и их с папой могли убить. Или нас, их родных, могли убить. Но ситуация как-то разрешилась.

С папой все-таки мы встретилась и поговорили. Не могла я избегать его, да и разобраться мне хотелось и, может, обвинения высказать, а то они душили меня своей непроизнесенностью. А он даже не пытался оправдываться, объяснял, что полюбил по-настоящему и ничего не может с этим поделать, печалился, что так все получилось.

– Знаешь, дочь, – сказал он, грустно улыбнувшись, – я уверен, что если бы Лена и Майя познакомились без меня и при других обстоятельствах, они бы обязательно стали очень близкими подругами. По характеру они идеально подходят друг другу.

Мой папа знает, что говорит. Он не психолог, нет, он очень мудрый человек. И еще таких называют интуитами – он чувствует людей до всех их потаенных фобий, комплексов и страхов, чувствует, чего стоит человек и на что он способен. Папа работает коммерческим директором не такой уж маленькой фирмы, которую они создали с дядь Мишей, и именно эта папина способность видеть людей насквозь не один раз спасала им в самом прямом смысле жизнь. А вот от ухода из семьи не уберегла!

– А тебе она чем так идеально подошла? – не удержалась я от сарказма.

– Я надеюсь, вы с ней познакомитесь, – папа улыбнулся и погладил меня по голове, – и ты поймешь, что Майю невозможно не любить. Она как солнышко: светлый, жизнерадостный человек, великий оптимист.

– Прости, но пока я не могу думать о ней хорошо или даже нейтрально. Она виновата в том, что плохо всем нам: маме, Левке, мне, бабушкам обеим, даже тебе плохо, потому что ты мучаешься, и это видно.

Мне сложно было разговаривать с ним спокойно и ровно, но я хотя бы попыталась понять, услышать. А вот с братцем все обстояло сложнее. Левка уперся в жестком порицании отца, встал в позу, отказывался встречаться, разговаривать, сбрасывал звонки, когда папа пытался до него дозвониться, словом, выступление по большой обвинительной прокурорской программе.

Зато к нам с мамой брат зачастил в гости: чуть ли не каждый вечер приезжал, привозил всяческие вкусности, поднимал бодрый шум, заставлял нас накрывать на стол в большой комнате, балагурил не в меру, а в выходные повадился вывозить маму за город, на природу. В общем, всячески демонстрировал свое неожиданное мужское главенство в семье, защиту и опору своим женщинам и полную сыновью поддержку маме.

И так на протяжении трех месяцев. Все мои попытки остановить этот бодрый балаган и уговорить Левку прекратить лишний раз напоминать маме, что она осталась без мужа, не то что проваливались, а каждый раз заканчивались небольшим скандалцем.

Остановила Левкины демарши против отца мама. Очень жестко.

Как-то вечером, как стало уже привычно последнее время, мы втроем сидели за столом, пили чай, обсуждали что-то несущественное, как вдруг мама напомнила нам:

– Послезавтра у отца день рождения. Не забудьте его поздравить.

– Я не буду его поздравлять! – с нажимом заявил Левка. – Он нас предал и ужасно обидел тебя. Он ушел и отказался от нас! У нас его больше нет!

– Он ни от кого не отказывался, – усталым, тусклым голосом возразила мама. – Тем более от вас с Мартой.

– Мам, – старался сдерживаться Левка. – Я всегда уважал отца и знал, что батя у меня мужик, настоящий человек, личность, и то, как он относился к тебе, своей жене, и к нам с Мартышкой, было для меня примером и предметом гордости. Я и представить не мог, что

он так легко и просто все это разрушит только потому, что бес в ребро и что ему страстей захотелось на старости лет...

– Хватит! – Мама так сильно хлопнула ладонью по столешнице, что звякнули чашки и несколько сушек вылетели из вазочки, в которой они были насыпаны горкой, и покатались по столу. – Ты мальчишка! Сопляк! Как ты смеешь судить отца?! Кто дал тебе право сидеть тут и рассуждать о предательстве?! Что ты об этом можешь знать?!

Левка покраснел, хотел что-то возразить, но мама сделала жест рукой, останавливающий порыв сына.

– Твои отношения с женщинами ограничиваются легкими, ничего не значащими встречами исключительно для секса! Что ты можешь знать о настоящей любви?! Твой отец не принес в дом грязь любовной интрижки, не обманывал жену и детей и не бегал тайком на сторону! У них с Майей не было любовной связи, они были вместе всего один раз, и отец сразу пришел и честно мне все рассказал и объяснил, что это настоящее чувство. Честно рассказал, понимаешь? – Мама села на свой стул, положила на стол руки и теперь уже ровным, спокойным тоном, глядя на Левку, продолжила словесную порку сына, а может, и обоих своих неразумных детей: – Я очень тебя люблю, сын, но сейчас готова ударить за глупость и оскорбление отца и меня вместе с ним.

– Я тебя не оскорблял! – Левка обалдел.

– Оскорблял! Никто в этой жизни не застрахован от любви и страсти. И если с любовью еще можно справиться, отказавшись от совместной жизни с любимым человеком в силу каких-то непреодолимых обстоятельств и сохранив это чувство в душе, то преодолеть страсть практически невозможно. И ты, мальчишка, ни разу не страдавший из-за любви, с ума не сходящий по женщине, не ревновавший, не терявший покой и сон от этого чувства, берешься судить об этом! А если бы не отец, а я влюбилась? Если бы я встретила мужчину и полюбила его так, что не мыслила бы без него жизни?

Мы с Левкой переглянулись, совершенно оторопев. Даже предположить такое не то что было невозможно, а невозможно в мировом масштабе.

– Что вы так смотрите? – усмехнулась невесело мама. – Я, так же как и отец, вырастила и поставила вас на ноги, вы теперь оба самостоятельные, в родительской опеке и присмотре не нуждаетесь. А я еще молодая женщина, вполне привлекательная, у меня хорошая работа, я уважаема коллективом и начальством, неплохо зарабатываю, по крайней мере, себя могу содержать и баловать. И я еще очень даже вызываю интерес у мужчин. С вашим отцом у нас были прекрасные отношения, но наша любовь с годами переросла в иную форму. Мы очень близкие и родные друг другу люди, больше чем друзья и любовники, гораздо больше, но для жизни этого мало, я это только после ухода Паши поняла и осмыслила. Все ходила, думала, вспоминала, размышляла и поняла, почему он полюбил другую женщину. И я, так же как он, могла встретить кого-то, полюбить и уйти к нему жить. И что, Левушка, ты сидел бы на том же месте, где и сейчас, и так же поливал бы грязью меня, как отца, и обвинял бы в предательстве? И говорил бы, что у тебя нет больше матери?

– Ма-а... – совершенно растерялся Левка.

– Что ма? Так и есть, сын. И еще скажу тебе, сынок, я не вверяла тебе полномочия моего адвоката, меня не надо защищать от отца. Да, это больно, когда от тебя уходят, и ты чувствуешь себя ненужной, брошенной, униженной как женщина, но ваш отец сделал все, чтобы не оскорбить и не обидеть меня. И я ему за это очень благодарна. Мы перезваниваемся и встречались несколько раз, беседовали, он решил оставить нам большую часть имущества, все так же финансирует нас с Мартой и собирается делать это и впредь.

– Прости, мам, – Левка покраснел.

– У отца прощения проси, – отмахнулась мама. – Он страшно переживает твою упертую обиду и нежелание общаться.

Я молчала все время, пока шла эта моральной порка, словно предназначенная не братцу, а мне, и чувствовала себя, прямо скажем, фиговато. Да потому что мама во всем права! О чем мы там с Левкой беремся судить?! Ни я, ни он никого еще не любили и с ума от любви не сходили, а туда же – папа не прав, папа бяка!

Левка созвонился с отцом в тот же вечер и сразу уехал встретиться с ним. А мы с мамой обнялись, как две подружки, допили привезенную Левкой бутылочку итальянского сухого вина, всплакнули, пошушукались, и я, чуть опьянев, передала мама те отцовские слова:

– Ма, ты знаешь, папа говорит, что если бы вы с этой Майей встретились при других обстоятельствах, то обязательно стали бы закадычными подружками.

– Все может быть, – пожалала плечами мама. – Жизнь полна подобных импровизаций и такие порой кренделя выписывает, что никакому фантасту не снилось.

И что бы вы думали? Эти две жены – бывшая и ныне действующая – таки встретились при других обстоятельствах. Но чуть позже. Этому событию предшествовала гораздо более эпохальная встреча. Чудны дела твои, Господи! Воистину! Не поверите, но начались в нашей жизни такие импровизации, упомянутые мамой, и кренделя вместе с ними, обалдеть!

Дня через два после маминого морального отлупа своим глупым взрослым детям, собираясь утром на работу, я обнаружила в коридоре две большие сумки.

– Мам! – Я прошла в кухню, где она готовила завтрак. – Что за сумки в коридоре?

– Это я отцовские теплые вещи собрала, а то зима уж совсем, а он в чем ушел, в том и ходит. Мы созвонились, он после работы заедет и заберет. Ты приходи пораньше, поужинаем втроем.

– Я постараюсь, – не стала обещать я.

Пораньше прийти мне удалось. Я вошла в квартиру и замерла на пороге – первый раз с того момента, как отец ушел из дома, я слышала звонкий смех мамы. Я подумала: а не уйти ли по-тихому, чтобы не спугнуть ее радость? Так в сомнениях – ни туда, ни назад – и толкалась у двери, пока мама сама не вышла из кухни.

– О, Марточка! А я думаю, слышалось мне, что ли, что дверь хлопнула. – Она подошла ко мне, поцеловала, обняла.

Я смотрела на нее неверящим взглядом – такая она стала красивая, задорная, глаза горят! И я вдруг четко осознала, что она совсем еще молодая женщина, ей всего сорок шесть лет, на которые мамулька совершенно не выглядит, что она современная элегантная женщина! Неужели у них с папой?..

– Давай мой быстро руки и за стол, – светилась улыбкой мама.

Пока я мыла руки, сердце у меня стучало как подорванное в предчувствии чего-то сказочного, необычного: вот я войду сейчас в кухню, и мои родители, оба молодые, счастливые, объявят, что они снова вместе, а эти три месяца были просто глупостью, проверкой...

В кухне на отцовском месте сидел совершенно незнакомый мужик, который встал при моем появлении.

– Марта, знакомься, это Игорь Васильевич, – бодро и весело представила нас мама. – У отца затянулось серьезное заседание, и Игорь Васильевич вызвался забрать его вещи.

– И попал на изумительный ужин, – продолжил мужик, то ли изображая легкое смущение, то ли смущаясь искренне, что угодил не на свой праздник.

Что это за Игорь Васильевич такой, хотелось бы знать, а? Вообще дядька ничего себе – лет за сорок, крупный, пожалуй, только немного уступает Левке, а тот у нас в прадеда, медведь здоровый, да и папа мужчина далеко не маленький. Глаза у мужика вроде добрые, красавцем не назовешь, но интересный, харизматичный, можно сказать. Ну-ну, посмотрим!

А ничего, вы знаете! Этот Игорь Васильевич оказался классным собеседником, веселил нас с мамой за ужином замечательными историями, рассказывая их с таким юмором, так остро, ярко, красочно, с мимикой и жестами, что мы ухохатывались до слез, позабыв о времени. А

когда совместный ужин был логически завершен, и мама вдруг вызвалась помочь в переносе сумок в качестве открывающего дверцы машины, я, заподозрив, что ей просто хочется поговорить с мужчиной наедине, порадовалась за нее, но и напряглась немного и как строгая, правильная дочь ждала ее возвращения.

Ждать пришлось не пять минут, подзадержалась маменька минут эдак на двадцать и была встречена мной с неким наездом:

– Мам, а он вообще откуда?

– Это допрос, что ли?

– Ну ты хотя бы знаешь, кто он такой? – убавила я праведности в тоне.

– Рекомендации отца тебе достаточно? – строго спросила она, так и не дав прямого ответа.

– Вполне, – отступила я, зная, что от нее в таком настроении ничего не добьешься.

А вот и нечего было наезжать! Она вон расцвела, так ей мужчина понравился, помолодела, похорошела, да и он, я же сама видела, очень ею заинтересовался, а доченька, видишь ли, взялась нравственность материнскую блюсти! И чего меня понесло? Все еще не привыкла за три месяца к новой жизненной реальности, а пора бы. Но ничего, дальнейшие события меня так к этой новой реальности адаптировали, только держись!

Через неделю я должна была ехать по работе на учебный семинар в пансионат в Подмосковье, с пятницы по понедельник. Ну что такое корпоративные семинары, думаю, многие знают: какой бы важной и трудной ни была тема обучения, рано или поздно народ разбивается на группки по интересам и начинает проводить выходные, гробя собственную печень, а заодно с ней и репутацию. Не люблю я все это, вот не люблю, и все!

Нет, может, я бы и ничего, и с большим удовольствием, если бы компания подобралась классная. Но тогдашняя работа не устраивала меня все больше и больше, не нравился коллектив и начальство и вообще все! Хотя, как говорит моя бабушка: «В жизни всякое надо пройти, чтобы было с чем сравнивать!» Последние месяца полтора я все чаще подумывала, что этой работы мне для дальнейшего житейского сравнения уже вполне достаточно и пора бы искать для себя что-то более подходящее и интересное. Поэтому когда в субботу вечером приглашения мужчин, уже хорошо подогретых коньячком, присоединиться к их веселой компании стали звучать все более навязчиво и откровенно, я забила на завтрашние занятия, решив, что вполне благополучно прочитаю все в Интернете, и, собрав вещички, пошла на электричку.

Да к черту! Можно подумать, им в Москве пить не дают, обязательно надо куда-то выехать, чтобы нажраться до скотского состояния, болеть несколько дней, еще неделю собирать сведения о том, что ты вытворял в пьяном виде, и, ужасаясь, смотреть на телефонах видео с собой в главной роли. Или я просто сама еще в такое не вляпывалась, поэтому и отворачиваюсь брезгливо правильной барышней?

Это я тогда по молодости, глупости и незнанию так выступала праведницей фиговой. Но знаете, бывает так: попадаешь в какую-нибудь компанию, не важно в какую – в школе, в институте, на работе, а люди там не твои, и все! Вот совершенно ты с ними не монтируешься, не вписываешься, хоть тресни! Словно вы на разных языках говорите и отторгаете друг друга, как чуждые элементы. Вот примерно такие отношения были у меня тогда с коллегами. Но не суть, я вообще не об этом.

А о том, что предпочла возвращение домой тесному корпоративному общению и учебе. Возвращалась я внезапно, заметьте, это самое важное в данной ситуации. А зачем мне кого-то предупреждать? Что такого суперважного-то? Ну вернулась и вернулась, я ж не на Аляску в экспедицию ездила, чтобы заранее радовать родных и близких скорой встречей. Правда?

Правда-то оно, конечно, правда, но есть нюансы, как в том анекдоте.

Про то, что теперь моя любимая мамочка стала женщиной свободной, читай: невестой, и имеет право на личную жизнь, не сильно внимательная и эгоистичная дочь предпочла не думать. Вот и ввалилась на ночь глядя, с порога проорав на всю квартиру:

– Мамуль, я вернулась!

А в ответ странная тишина. Странная, потому что мамулька моя так рано никогда спать не ложится, да и свет горит в кухне и в коридоре.

– Мам? – Я повесила пальто на вешалку, сняла сапоги и пошла на поиски ответов, которые привели меня первым делом в кухню, где я чуть прибалдела: ничего себе!

В кухне был накрыт явно торжественный, а может, даже романтический ужин на двоих, который успели отведать и оценить, но две свечи в высоких подсвечниках все еще догорали, позабытые.

– Марта, ты почему вернулась? – спросила мама у меня за спиной.

Я обернулась, посмотрела, как она подходит к столу, и все мои подозрения тут же перекалифицировались в уверенность: мама на ходу завязывала шелковый халатик и была в несколько растрепанном состоянии, покрасневшая и смущенная.

– Мам, у тебя что, свидание? – решила пошутить я.

– Да, свидание.

– О-о! – ступевалась я, наконец осознав, что помешала ей самым противным в таких ситуациях образом, и поспешила все исправить: – Мамуль, ты извини, я сейчас к Левке поеду.

– Не надо вам, Марта, никуда ехать, – вошел в кухню Игорь Васильевич, полностью одетый и, как мне показалось, даже причесанный, и встал рядом с мамой. – Вы же у себя дома, после учебы. К тому же, раз вы вернулись, у вас там, наверное, что-то неприятное случилось. Вот и отдыхайте, а я поеду домой.

– Нет, нет, – заспешила я и начала пятиться к выходу. – Вы оставайтесь, вам пообщаться надо, а я к брату. Ты знаешь, мам, Митя приехал. А я его так давно не видела, интересно же, как он там живет, мы с Левкой договаривались завтра встретиться втроем, так встретимся сегодня...

– Марта, остановись! – прервала мое лепетание мама.

Я заткнулась, и в кухне повисла такая гнетущая тишина, что стало слышно, как потрескивают, сгорая, фитильки свечей. Мне было ужасно неудобно! Хоть провались на этом месте! Да нам всем было неловко, пока Игорь Васильевич не разрядил обстановку:

– Ну, в конце концов, тут есть чему и порадоваться.

– Чему? – осторожненько спросила я.

– Во-первых, нам с вашей мамой больше не надо скрывать наши отношения. А во-вторых, все скорее комично, чем трагично, вы все-таки не жена, внезапно вернувшаяся из командировки и застукавшая мужа за адюльтером.

– А вас так застукивали? – нагло спросила я.

– Не приходилось, – усмехнулся он. – А вам, Марта, родственники свиданий не портили?

– Пока нет.

– Значит, такие незабываемые впечатления у вас еще впереди.

– Чур меня, – махнула я на него рукой и почему-то совершенно расслабилась. – А давайте поедим чего-нибудь, а? Я ужасно голодная! А заодно и решим, кто все-таки куда пойдет и поедет. Лично я настаиваю на своей кандидатуре.

Свою точку зрения я отстояла и даже поспешила позвонить Левке, уведомить, что приеду к нему с ночевкой, а Игорь Васильевич настоял на том, что доведет меня на машине и проводит до самой двери квартиры. Разумеется, по дороге я попыталась выведать, что он там себе мыслит про их с мамой отношения. А как же! Надо же интересы мамули соблюсти и вообще к мужику присмотреться.

Но увы, Игорь Васильевич не дал мне такой возможности:

– Мне ваша мама, Марта, очень нравится, и я могу вас уверить, что никогда, ни при каких обстоятельствах ее не обижу, но все остальное касается только нас двоих. Уж извините, но обсуждать наши с Леной отношения я ни с кем не намерен. Крепитесь, Марта, надеюсь, что очень скоро мы разрешим все ваши тревоги и сомнения.

И только в понедельник вечером мы смогли откровенно поговорить с мамой. Потушили верхний свет, оставив бра и торшер, поставили на журнальный столик в гостиной чашки с чаем, мармелад и конфетки, устроились на диване, укрывшись одним пледом, и секретничали.

– Ма, ты влюбилась? – тихо, чтобы не потревожить наш теплый уют, спросила я.

– Думаю, что даже больше, чем влюбилась. – Она вздохнула мечтательно.

– Ни фиги себе! А он?

– Он тоже.

И меня заорожило выражение ее лица – совсем девчоночье, какое-то просветленное, я такой ее никогда не видела, никогда!

– И что все это значит? Что будет? – выпрашивала я.

– Не знаю. – Она витала где-то далеко от меня. – Это так странно, Марта. Я сейчас так благодарна отцу, что он встретил свою Майю и ушел от нас. Не повстречай он эту женщину, так бы и продолжали жить и не знали бы, что есть другие люди, которым мы предназначены. И что можно быть по-новому счастливыми, влюбленными, молодыми! Так странно!

– Так вы с Игорем Васильевичем собираетесь жить вместе?

– Собираемся, – кивнула, улыбаясь, мама.

– А его семья? – поинтересовалась я.

– Он вдовец. Его жена умерла четыре года назад. Но у него двое сыновей, одному двадцать восемь, второму двадцать четыре, оба пока не женаты и живут с ним. Поэтому, скорее всего, жить мы будем у нас.

– А от чего умерла его жена? Болела?

– Можно сказать и так. За два года до смерти она сделала большой скачок по карьерной лестнице, стала чиновницей высокого ранга. А там одни мужчины и свои законы, своя корпоративная этика – почти каждодневные банкеты, застолья, выпивка: то начальство чествуют, то высоких покровителей и партнеров, то дни рождения и праздники. Да и работа нервная, интриги, подковерные игры, в любой момент могли подставить, подсидеть, уволить. Она начала пить и как-то быстро и тяжело пристрастилась. Да к тому же чувство исключительности и вседозволенности, присущее чиновникам этого уровня, поперло из нее безудержно. Однажды почему-то отпустила персонального водителя, села пьяная за руль, куда-то поехала и разби-лась.

– Печально... – Я вспомнила, о чем хотела спросить. – А откуда папа знает этого Игоря Васильевича? Почему именно он за вещами приехал?

Мама посмотрела на меня загадочно и призналась:

– Игорь родной брат Майи.

– Что?! – подскочила я. – И ты так спокойно об этом говоришь?

– А почему я должна говорить об этом беспокойно? Что тебя так возмутило?

– Ну-у... – Я растерялась, поняв глупость своих прыжков и возмущений, и начала лепетать что-то невразумительное: – ...все-таки из-за нее папа ушел из семьи, и ты так переживала...

– Ну а теперь не переживаю, – рассмеялась совсем молодо мамуля.

Через три дня Игорь Васильевич переехал к нам.

Левка отреагировал приблизительно так же, как я, – обалдел, возмутился, потом прикинул, что мать родная не ходит, а летает, и решил: а что плохого-то, вроде бы все счастливы, и отец с той женщиной, и мама с этим мужчиной. А главное – мужик хороший, достойный, и отец его хвалил.

И на следующий вечер мы засели у Левки дома втроем – я, братец и его единственный близкий друг Митя, приехавший на несколько дней из Европы, – и за распитием привезенного Митей французского красного сухого вина обсуждали перемены в нашей семье и все удивлялись: нет, ну бывает же так, а! Громче всех удивлялся Левка и все головой крутил, руками-лопатами разводил и бровки поднимал:

– Кому расскажи, не поверят!

Ну-ну, посмеялся кто-то там, наверху, над Левкиными эмоциями и послал братцу гораздо более закрученный жизненный сюжет – а чтоб не выпендривался!

Я быстро привыкла к присутствию в нашем доме Игоря Васильевича, хотя это и может показаться странным, ведь всего-то четыре месяца назад ушел отец, а на его месте появился какой-то мужчина, и теперь он сидит на его стуле за столом, на его месте на диване и чинит кран инструментами, которые с таким старанием и придирчивой разборчивостью покупал отец, и подвозит меня до работы, когда я опаздываю. Однако противоречия не возникало, во мне крепло ощущение, что я давным-давно знаю этого мужчину, и мне было с ним легко и просто, без напрягов и выкрутасов, да и занята я оказалась в тот момент плотно и с удовольствием собственной жизнью, вернее, той ее составляющей, что называется работой.

Тут надо пояснить, в чем дело.

А дело в том, что я окончила спецшколу с углубленным изучением языков, между прочим, с первого класса основной язык у меня был французский, английский на втором месте и испанский факультативно, его я знала хуже всего. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, родители сделали мне изумительный подарок на день рождения – первый раз мы всей семьей выехали за границу, во Францию, где и обнаружилось, что я чувствую себя в этой стране как дома, а то и лучше. Семейка беспощадно эксплуатировала меня как переводчика с французского на русский и обратно и налаживания дружеских связей с местным населением. После Франции были горнолыжная Австрия, морская Италия и Испания, и поездка к друзьям родителей на Кипр, где они жили в совершенно потрясающем доме с видом на море, и Греция и так далее. Одним словом, к семнадцати годам я успела изрядно попутешествовать и чувствовала себя в Европе совершенно свободно, стала как бы человеком мира.

Для чего я это рассказываю? Не ради собственного снобизма или рисовки дешевой и не для того, чтобы покрасоваться и похвалиться достатком семьи и папиными возможностями, типа вот я какая цаца заграничной направленности. Просто когда встал вопрос о выборе профессии и вуза, моя любовь к путешествиям и знание языков сыграли не последнюю роль. Но все по порядку.

Я самая обыкновенная девушка, ничем не выдающаяся, таланты или способности о себе пока не заявляли, может, спят до поры, а может, их и нет вовсе.

То, что знаю языки, так сейчас большая часть моих ровесников владеют английским хотя бы на уровне пользователя компьютера и любителя MTV. Ну а мне еще и повезло немного – во-первых, у меня обнаружили врожденный слух и способность к языкам, которые, может, так и остались бы незамеченными, если бы не во-вторых – мои родители отдали меня в языковую спецшколу, до которой, между прочим, было довольно далеко добираться. Левка, например, учился в обычной школе рядом с домом, а мне приходилось на метро и автобусе ездить. Это мне так бабуля подсуропила, внук ее подруги как раз учился в этой школе, и эта подруга так расхваливала уровень преподавания и учителей, что бабуля настояла на моем поступлении именно в данную спецшколу.

По ее окончании я ломала голову: куда пойти учиться? А тут выяснилось, что именно в этот год Митя, Левкин друг да и близкий человек для всей нашей семьи, собрался поступать на заочное отделение в Академию туристического и гостиничного бизнеса и выдвинул предложение идти туда и мне.

– Давай рассуждать, – предложил он, когда мы втроем валялись на подмосковном пляже, наплававшись до посиневших губ. – Чем бы ты хотела заняться в жизни?

– Да фиг его знает! – отреагировала я громко.

– Давай тогда методом от противного, – предложил Митя.

– Давай, – выказала я усердную готовность и даже поменяла положение своего тельца с лежачего на сидячее, скрестив ноги в позе лотоса и всем своим видом выражая нетерпеливое желание разобраться каким угодно методом.

Митя последовал моему примеру и тоже сел, Левка проигнорировал коллектив – продолжал валяться, подставляя солнцу спину.

– Куда сейчас больше всего поступают? – начал Митя и сам себе ответил: – На юристов, экономистов, бухгалтеров и больше всего на менеджеров. Ты чувствуешь тягу к данным специальностям?

– Нет, – честно призналась я и отрицательно помотала головой.

– В принципе для девушки все эти специальности вполне даже приемлемы и очень неплохи, – рассуждал Митя. – Может, тебе на менеджера все-таки пойти? Такая обтекаемая необременительная профессия, а?

– Да не хочу я на менеджера, я об этом уже думала! У меня половина класса на менеджеров собралась! А я как представлю сидеть с бумажками: продажи, проценты, обзванивать клиентов, уговаривать – мне сразу тошно становится!

– Ладно, – кивнул Митя, соглашаясь. – Значит, это мы отмечаем. Идти в иняз тебе ни за каким чертом не надо, а если захочешь переводчиком работать, спецкурсы пройдешь, лицензии получишь – и все дела. Слушай! А может, ты в актрисы какие хочешь или в певицы?

– Митя, ты о чем? – сильно подивилась я поступившему предложению. – Какая, на фиг, актриса и певица? Петь, если ты помнишь, я еще та мастачка!

– М-да... – Митя еле сдержал улыбку, вспомнив о моей «эстраде».

Слух у меня очень хороший, с младенчества, а вот голоса бог не дал, зато с лихвой отпустил старания и упертости во всем, за что бы я ни бралась. Лет в девять я не пойми с чего решила попробовать себя в песенном жанре – рыдала вся родня! Не с горя и не от радости – от хохота.

Девочка Марта выучила песню про большую и сильно несчастную любовь с драматическими поворотами сюжета типа «так не доставайся ты никому». Когда у нас по поводу какого-то праздника собрались гости, в том числе и Митя с его мамой тетей Надей, Марточка посреди застолья объявила, что сейчас исполнит песню. Родители порадовались: какая хорошая дочь, приготовила сюрприз, песенку выучила!

Ага! Я запела. Старалась изо всех сил: и жестами тему поддерживала, и лицо трагическое делала, но звуки издавала страшные – какой-то громкий вой с сипом. Взрослые героически продержались сколько могли, а потом просто повалились от смеха кто на стол, а кто и вообще со стула упал.

Кстати, я бисировала! Отсмеявшись, гости упростили меня повторить выступление и в дальнейшем меня неоднократно просили исполнить нечто трагическое. Это было для них настолько развлекательно – Петросян отдыхает.

– Ну ладно, театр с эстрадой и кино отпадают однозначно! – все-таки расхохотался Митя, Левка его поддержал. – Медицина, я так понимаю, тоже?

– Однозначно! – повторила я за ним и кивнула.

– Что-то мне подсказывает, что инженером и технарем ты вряд ли захочешь становиться?

– Не то чтобы не хочу, но не имею склонностей в данной области. Ты же знаешь.

– Да уж, осведомлен... – Митя, видимо, вспомнил, сколько раз ему с Левкой приходилось ликвидировать последствия моих отношений с техникой. – Ну и что мы имеем в остатке?

– Да, что? – поддержала я насущность вопроса.

– История, – он принялся загибать пальцы, – литература и искусство?

– Интересно, конечно, но не так, чтобы стать профессией всей жизни, – скривила я показательно носик.

– А журналистика, вон как братец?

– Не-а... – Мне снова пришлось качать головой. – У меня повышенная тяга к справедливости, если мне какой козел начнет лабуду в микрофон говорить с умным видом, могу и по голове огреть тем же микрофоном. Да и вообще не понимаю, как можно лезть с вопросами или снимать, когда у людей трагедия или что-то страшное происходит. Это только братец может и принимает в этом участие.

– Тогда тебе прямая дорога туда, куда я поступаю, – вынес окончательный вердикт Митя. – Ты любишь путешествовать, чувствуешь себя в Европе свободно и комфортно, вот и займешься туризмом или гостиничным хозяйством.

– А вообще это идея, – оживился братец и даже перевернулся на спину. – А что, Мартышка, французский у тебя как родной, английский рабочий, в совершенстве, испанский, если надо, подтянешь. Будешь разъезжать по странам, выбирать отели и маршруты, путешествовать, это как раз для тебя.

Идея мне сразу понравилась! Вот сразу! Но я знала этих двоих слишком хорошо, чтобы вот так запросто поверить в чистоту их намерений.

– Так, а теперь колитесь, зачем вам понадобилось, чтобы я поступала в один институт с Митей? – потребовала я.

– Я всегда говорил, что она чересчур умная для девчонки и тем более для младшей сестры, – вздохнул Левка и без лишнего выпендрежа пояснил: – Понимаешь, Мартышка, Димыч, как только поступит и пройдет установочную сессию, сразу уедет в Италию учиться и работать. И ему нужен свой человек в академии – наладить контакт между ним и преподами, взять задание, лекции, передать его работы, списать, договориться, он же будет приезжать только на сессии, раз в полгода.

– И поэтому я должна туда поступать! – возмутилась я в воспитательных целях, ну и, конечно, порядка ради.

– Но мы же выяснили, что этот институт тебе подходит, – напомнил Митя.

– А тебе он зачем, если ты уезжаешь и учишься где-то еще собираешься? – спохватилась я не последним правильным вопросом.

– Хочу получить высшее образование по управлению профильными предприятиями, мне оно в дальнейшем очень понадобится, если я решу свое дело открывать, – спокойно пояснил он. – Мы с тобой на разных специальностях учиться будем: я на гостинично-ресторанном отделении, а ты на туристическом. Ну что, Мартышка, поможешь?

Ну конечно, я помогу! Он же мне как брат, почти как Левка. И когда это я им не помогала, даже в ущерб себе и с прямым попаданием в неловкие ситуации?

Вот таким образом я и поступила вместе с Митей в Московскую академию туристского и гостинично-ресторанного бизнеса при правительстве Москвы и завела тесные дружеские связи на его факультете.

Училась я легко, кажется, я уже упоминала об этом, тем более такая учеба – ни тебе математики, ни физики, а вполне интересные предметы. Довольно весело и насыщенно проводила я студенческие годы, но без фанатизма – в затяжных пьянках с потерей памяти участия не принимала. Да у нас и группа подобралась спокойная в этом плане: погулять, потусить, в клубешник сходить, дни рождения отметить – это да, но чтобы на несколько дней в глубокий штопор уходить – так никогда не бывало.

На пятом курсе я устроилась работать в небольшую туристическую фирмочку. Ничего так конторка была, симпатичная, и девчонки нормальные, веселые. Но перед самой защитой диплома фирмочка разорилась, и всем нам сделали ручкой без выходного пособия. Я окон-

чила академию, получила диплом и буквально через неделю прошла несколько собеседований и устроилась в довольно крупную фирму, специализирующуюся на туризме по России. И как-то сразу у меня не сложились отношения с коллективом, не то чтобы до козней всяческих и попыток от меня избавиться, нет, но я совершенно с ними не стыковалась ни интересами, ни представлениями о проведении досуга, ни взглядами на жизнь. Люди они были неплохие, давно работали вместе, как говорится, спились и спелись. А я оказалась моложе всех, да к тому же начальство проигнорировало мое высшее образование по специальности и вместо нормальной работы с маршрутами и клиентами усадило меня за документацию.

Вот я и начала подыскивать иное место трудоустройства через Интернет, и уже прошла одно собеседование, разумеется, в большом секрете от начальства и коллектива. И именно в это время у мамы с Игорем Васильевичем случилась любовь с переселением.

Дня через три после переезда к нам Игорь Васильевич, выйдя на кухню, застал меня совмещающей завтрак с просмотром предлагаемых в сфере туризма вакансий.

– Что за срочность такая? – полюбопытствовал он, усаживаясь рядом и заглядывая в экран ноутбука.

Я объяснила ситуацию.

– У моего хорошего друга туристическая фирма, совместно с французами, они занимаются туризмом только по Европе и еще образовательными программами вместе с Министерством образования. Это, если знаешь, учеба школьников по обмену и образование для студентов довольно разнообразных форм, да много чего. Если интересно, я могу спросить, возьмет ли он тебя.

– Конечно, интересно! – Я только в ладоши не захлопала. – Еще как интересно!

– Ничего обещать не буду, – предупредил он меня. – К делам Александр относится серьезно, сам персонал набирает, и никакое протезирование не принимается в расчет. Поэтому я договорюсь о собеседовании, а уж дальше ты сама.

Я все-таки пару раз от восторга подпрыгнула и даже поцеловала Игоря Васильевича в щеку.

Александр Никитич мне очень понравился – подвижный, улыбчивый энергичный мужчина лет пятидесяти, из разряда живчиков, которых называют «ни секунды покоя». Но это внешний, фасадный вид, на самом деле директор являлся ушлым, тертым и, по всей видимости, весьма хватким бизнесменом.

Как бы между прочим он перешел на французский и в обманчиво легкой беседе пораспрашивал, в каких странах я уже побывала, как себя чувствовала там, что понравилось и не понравилось, где и кем работала раньше, и так же без предупреждения перешел с французского на английский.

Вышла я из его кабинета с устойчивым ощущением, что в незатейливой и, можно сказать, приятной беседе сдала КГБ все явки и пароли нелегальной группы, в которую, как только что выяснилось, входила.

Мне было велено подождать решения в приемной, и я устроилась в самом дальнем уголке, в небольшом кресле, в котором явно редко сидели.

Через полчаса Александр Никитич, выйдя из кабинета и на ходу отдавая какие-то распоряжения секретарше, заметил меня, робкой девицей поднявшуюся из кресла, и подивился:

– А ты чего здесь, Галант?

– Ну... – Я даже растерялась. – Жду, что вы решите.

– А я не сказал? – удивился он еще пуще. – Ах да, меня отвлекли, звонок важный был. Извини.

Я вроде как поняла и извинила, а сердце стучало как барабан – так я хотела здесь работать! Мне все-все понравилось: и старинное отреставрированное здание в центре Москвы, в котором располагалась фирма, и просторные широкие коридоры, и улыбчивые барышни, кото-

рые встречались на пути к кабинету, и строгая секретарша лет под шестьдесят, интеллигентная и элегантная, как близкая родня английской королевы, и сам Александр Никитич. Даже неуловимый аромат, витавший здесь, мне нравился. И уже казалось, что я попала на свое место, которое давно меня ждет.

– Ну и чего ты ждешь, Марта Павловна? Иди в кадры оформляйся.

– Вы меня берете?

– Разумеется, – усмехнулся он. – Я очень расчетливый господин, чтобы разбрасываться такими кадрами. Выйдешь на работу послезавтра, начальник отдела введет тебя в курс дела, а в понедельник полетишь в Прованс с Велиховой новый маршрут оформлять.

Представляете?! Нет, вы представляете: только вчера я перекладывала никому не нужные бумажки, записывала из одного тупого журнала в другой какие-то еще более тупые данные, набивала бесконечные столбцы цифр, а через четыре дня буду в Провансе оформлять новый маршрут?!

Это было так здорово, что, не удержавшись, я зашла в супермаркет, купила шампанского, вкусовостей всяких вредных для талии и вечером собственноручно приготовила ужин и накрыла стол к приходу мамы и Игоря Васильевича. Я скакала от избытка эмоций, как мартышка, которой все детство меня так обидно обзывал брат родной. И благодарила Игоря Васильевича и маму за то, что она его так удачно встретила, а заодно и папу, и его Майю.

Вот там, во время ужина, проходившего в приятной радостной атмосфере, и выяснились некоторые факты, на которые я до сих пор не обращала внимания. Все-таки в молодости мы такие эгоисты безбашенные и эгоцентрики: кроме своей персоны и непосредственно ее касающихся событий мало обращаем внимания на других людей, на их жизнь и обстоятельства. Если это касается родных и близких, то лишний раз не поинтересуемся, как у них дела, – здоровы, тебя не достают лишний раз, значит, все у них в порядке.

А тут меня словно по голове тюкнули информацией, казалось бы, всем очевидной: папа с его Майей собираются пожениться и уже заявление подали и дату назначили. Но гораздо больше меня ошеломило известие, что и мама с Игорем Васильевичем планируют официально оформить отношения в ближайшее время, потому что они любят друг друга. Ни фиги себе! Обалдеть! Это что, значит, мы с Левкой получаем отчима и, извините, мачеху! Но совсем в коллапс ввело меня следующее открытие – вместе с отчимом и мачехой мы заполучаем еще и сводных братьев с сестрой и большую чужую семью!

Ох-ре-неть!!

Оказывается, у меня теперь будут еще два старших брата со стороны Игоря Васильевича – Антон, которому сейчас двадцать восемь лет, и Иван, которому сейчас двадцать четыре. А также со стороны новой жены отца Майи – младшего брата Алексея, которому сейчас семнадцать лет, и сестру Марину двадцати лет!

И это еще не все! Мама собирается знакомиться с Майей и войти в их семейство новой невесткой. Нормально? По крайней мере весело!

Кстати, грядет праздник – день рождения мамы Игоря и Майи, который у них принято отмечать со всеми родственниками. И нас, маму, Левку и меня, ожидают на этом семейном мероприятии и даже именные приглашительные открытки для нас сделали.

На праздновании я присутствовать не смогла, улетела во Францию – внимание! – рабo-тать! А именно, совершать пробный проезд по предлагаемому туристам маршруту, то есть проживать в гостиницах, осматривать возможные экскурсии и достопримечательности, рестораны, развлекательную программу. Красота! Выяснилось, что я люблю себя в этой работе! Вам бы тоже понравилось, уверяю.

Правда, есть нюансы, а как же без них. Это вам не турецкие курорты, где менеджеры туристических фирм развлекаются, пьют-гуляют за счет фирмы, это Европа, где все умеют

денежки и время считать и уважать, и весьма серьезная русская фирма, представителями которой и были мы с коллегой.

Наставницей моей в этой поездке была Света Велихова. Очень энергичная, профессиональная, знающая симпатичная женщина старше меня лет на пять. График нашей работы был столь плотным, что спать приходилось часов по пять: дороги, гостиницы, рестораны, переговоры, огромное количество деталей, которые обсуждались дотошно и методично, и снова дороги...

Мне нравилось! Мне очень нравилось!

По возвращении Александр Никитич похвалил нас со Светой, а меня предупредил, что у него имеются по поводу моей персоны интересные рабочие планы. Заинтриговал страшно, но объяснять отказался до того времени, пока они с партнерами не утвердят новое направление деятельности. А пока приказал засесть за книги и изучить-запомнить сведения о достопримечательностях одного из маршрутов. Для чего? А везти клиентов, купивших индивидуальный тур, по нескольким городам Франции в сопровождении представителя фирмы в качестве переводчика и организатора их отдыха, проживания и культурно-развлекательной программы. То есть меня.

И закрутилась моя новая работа, а я в ней. Вот и бывала дома только наездами да наскоками, поэтому анализом нового человека в семье не баловалась. Да и притираться нам с Игорем Васильевичем не пришлось, говорю же: мне сразу с ним удобно и уютно было, вот и не заметила, как привыкла.

Но это оказалось уже неактуально – вчерашний день, омытые камни! А вот то, что начало происходить дальше, вообще из области «так не бывает, не может быть, и все!». У меня уж точно сложилось впечатление, что я фантастическим образом попала в замысловатый фильм, с закрученным до трудной абстракции сюжетом, развивавшимся уж больно стремительно и без смены декораций.

Итак, мама таки познакомилась с новой папиной женой и ее семьей на дне рождения Вероники Владимировны, мамы Майи и Игоря. И, как и предполагал папа, эти две женщины мгновенно понравились друг другу и проговорили полвечера. Ну, предположим, бывает и так – делить им нечего, и, можно сказать, благодаря Майе мама встретила Игоря.

Но событие номер два – Левка тоже пришел на этот праздник, познакомился со всеми и, самое важное, сразу сдружился с сыновьями Игоря Васильевича Антоном и Иваном. Мало того, эти парни не просто приняли нашу маму, а относились к ней как к родному человеку. Выяснилось, что они с ней уже давно познакомились и встречались не раз. В общем, неохваченными оставались только мы с братом, но ничего, наверстали с лихвой.

И с детьми Майи, Мариной и Алексеем, мы тоже как-то сразу сдружились.

Братья Антон и Иван оказались классными парнями, оба окончили вузы и давно работали – Антон инженером на каком-то производстве, а Иван строителем, к тому же он был страстным спортсменом-альпинистом. Оба, не сговариваясь, приняли на себя роль моих старших братьев.

Я даже опечалилась – не знать мне такого счастья! Лучше бы флиртовали и заигрывали, мужики-то классные, интересные, а такого добра, как старший брат, у меня и так перебор. Вполне достаточно Левки и примыкающего к нему периодически Мити. Брат у меня прекрасный человек, сильная личность, к тому же ну очень хорош собой, девушки его обожают! Но характер!.. Мама дорогая!

Если его заклинило на занудство, то родные и близкие прячутся по углам – достанет всех и вся и будет настаивать, чтобы все делали только так, как он считает правильным. Довести может до белого каления и неконтролируемой ярости. Спасает только то, что его на такое пробивает не так уж часто. Но и в обыденной жизни Левка тоже, случается, бывает весьма трудным. А еще он обожает блюсти мою нравственность и душевную безопасность, как он это называет.

Он испортил мне жизнь в школе, напрочь исключив из нее первый девичий флирт, влюбленности и заигрывания мальчиков. Когда я училась в четвертом классе, в меня влюбился одноклассник и проявлял свои чувства, как и положено мальчикам того возраста: задибался, дергал за волосы, устраивал всякие проказы. Мне он тоже нравился, но, опять-таки, как и положено капризной девочке, почувствовавшей свою привлекательность и влияние на мужской пол, я жаловалась дома на его приставания и злые шутки. Родители посмеивались и уверяли, что это любовь, а Левка, зараза эдакая, принял все всерьез и приперся ко мне в класс вместе с верным Митей. Довольно развязные детки девяностых годов притихли, когда два здоровенных подростка ввалились в помещение, и Левка громко рявкнул:

– Ти-ха!

Однокласснички мои по местам шустрыми мошками расселись и ручки перед собой сложили как правильные детки, выражая на лицах полную готовность трепетно внимать. И Левка, обведя их суровым, пугающим взглядом, произнес краткую, но яркую речь-предупреждение о том, что если кто-то даже просто подумает доставить его сестре неудобство или неприятности, может уже начинать красочно представлять последствия своего общения лично с ним, ее братом. А Митя, тоже зараза еще та, во время выступления моего братца стоял в многозначительной позе – опираясь плечом о стену, скрестив ноги и руки, как ковбой в вестернах, – и гаденько, криво улыбался. Если учесть, что эти два ковбоя были весьма выдающейся комплекции – не по годам высокие, здоровые, да еще спортом занимались и мышцами поигрывали, – то становится очевидным, что впечатление они произвели сильное на неустойчивую детскую психику.

Ну как вы думаете, какой стала моя дальнейшая школьная жизнь? Объясню – стерильной! Дружила я только с девочками, мальчики меня стороной обходили и беседовали со мной исключительно об учебных и общественных делах, ни в кино, ни погулять никогда не зазывали. Правда, это не мешало им любить меня на расстоянии, что и спровоцировало известный инцидент, когда одна из моих условных подружек подставила меня, ревнуя к мальчику.

Студенческие годы братец мне тоже попытался было испортить. У меня случилось первое свидание с Лешкой Максимовым по всем правилам – кино, кафе, прогулка по вечерней Москве, провожание меня до подъезда и легкий, пока даже не эротический поцелуй. Вот на этом романтическом моменте и вмешался неугомонный Левка, принявшись выяснять, насколько серьезные намерения у молодого человека относительно его сестрицы, и так шуганул Лешку, что до конца института тот со мной практически не разговаривал.

Но братскую заботу я минимизировала и после этого случая молодых людей домой не приводила и от Левки скрывала, с кем и где я общаюсь. Таким образом мне удалось хоть как-то наладить личную жизнь. Правда, периодически брат устраивал мне допросы с пристрастием, но я не кололась и своих симпатий не выдавала.

Вот по этой причине я и принялась энергично отказываться от нежной заботы еще двух новообразовавшихся братцев, рассказала им о своих претензиях к брату родному и другу его верному Мите, но Антон с Иваном только посмеялись над повествованием и попечалились – ну извини, придется тебе смириться и с нашей опекой. Левка, зараза, как и положено всем вредным старшим братьям, инициативу такую поддержал за милую душу и проникся еще большей уважухой к парням.

Мы стали часто встречаться-общаться: то у нас зависали, то молодежной компанией у них дома, где теперь они жили одни, в выходные ездили на их дачу или в кино, я и Левка познакомились с их друзьями и компанией. В общем, родственно-дружеские отношения крепились день ото дня. И дети Майи, Марина и Алексей, довольно часто проводили с нами время в этой же большой компании.

Я моталась по командировкам и дома бывала наездами. Александр Никитич, наконец, озвучил планы, которые имел на мой счет, а именно: наша фирма взялась за новое молодежное направление. Для желающих глубже изучить язык, окунуться в языковую среду, а заодно

подработать и приобрести новых знакомых и друзей в нескольких городах Европы были организованы специальные учебно-рабочие туры на три-четыре месяца. Мы находили работодателей, готовых принимать на временную работу молодых людей, заключали с ними договора, подбирали недорогое жилье рядом, а в некоторых случаях и строили сами дешевые временные коттеджи общежитского типа, но по всем европейским правилам и стандартам. Нанимали на работу преподавателей языка и истории страны. Вот такая интересная программа. Именно на это направление меня вместе с еще двумя сотрудниками и поставил Александр Никитич.

И укатила я на месяц принимать участие в организации и оформлении двух таких лагерей – один во Франции, второй в Швейцарии. Мне было так захватывающе интересно, не передать! Мы только приступили к организации, налаживанию, договора подписывали, а уже огромное количество заявок на проведение такого обучающего процесса посыпалось на фирму. В виде эксперимента наше руководство решило предложить нескольким клиентам принять непосредственное участие в строительстве этих коттеджей.

Про мою новую работу я могу рассказывать долго, до того это было мне интересно, радостно – каждый день новые открытия, знания, знакомства! Но, пожалуй, воздержусь. Я только хочу объяснить, что дома я появлялась крайне редко, на несколько дней, и эти несколько дней стали теперь у меня такими перенасыщенными общением и активным отдыхом, что порой я от них уставала больше, чем от работы.

Каждый раз меня встречал в аэропорту кто-то из многочисленной теперь родни и вез, как правило, на уже происходившее где-то мероприятие. Например, на дачу Игоря, ставшую любимым местом отдыха для всех. Тем более, как хвалились тот же Игорь и Антон, младший Иван, талантливый и неугомонный строитель, за последние два года из простой дачи сделал капитальный дом с пристройками, баней, а в моей маме вдруг неожиданно проявилась тяга к загородной жизни и огородничеству, и она могла часами копаться на клумбах и грядках, облагораживая участок. Вот меня и привозили, и на месте выяснялось, что народу понаехало уже не меньше десяти человек, и шашлык заряжен и банька под парами, и активные игры на воздухе ждут не дождутся участников.

То у кого-то из родни день рождения, и меня из аэропорта в ресторан привозят или в гости к имениннику, то поездки на катерах, то походы в торговые центры на целый день с кино и ресторанами, то на каток, то младший Иван везет на скалодром осваивать альпинистские горки. А один раз так вообще вывезли в деревню за двести километров от Москвы, где у двоюродной бабушки праздновали юбилей человек пятьдесят, не меньше. Кстати, там меня учили рыбачить, и я даже поймала не самую маленькую рыбу. При этом меня постоянно знакомили с какими-то новыми людьми, друзьями, приятелями, дальней родней.

Весело, кто спорит, и интересно, познавательно, энергичная жизнь, но я скоро стала побаиваться своих приездов домой. Мне как-то поспать, поленившись все больше мечталось в законные выходные, книжку почитать, телик посмотреть, может, фильмец какой вприкуску с вкусностями вредными. Отдохнуть, знаете ли.

А вот Левка чувствовал себя в этом режиме просто замечательно, мало того, сам инициировал многие мероприятия активного отдыха, например поездку колонной машин по Золотому кольцу. И с новоявленными братцами и сестрицей он общался уже по-родственному, и сдружились они всерьез и по-взрослому, и Митя, когда приезжал в Москву, вливался в эту компашку, словно всегда был ее членом, любимым и родным.

Один более чем положительный момент для меня во всей этой истории имелся несомненно: вся родня – изначальная, давняя, и новая, свежеприобретенная, до троюродных родственников, а также их друзей и знакомых, – все стали моими клиентами и оформляли туры и поездки только через нашу фирму, за что меня поощрило начальство премиально.

Наступил летний сезон. Объяснять, думаю, не надо, как протекает этот временной отрезок года у работников туристической сферы. Я света белого не видела, похудела на пару кило-

граммов и находилась в непроходящем состоянии приподнятого, радостного попискивания в душе от работы и своей новой жизни, так неожиданно прекрасной!

И как отрезвляющий ушат холодной воды на меня вылились новости – через неделю у мамы и Игоря свадьба! Мама говорила мне несколько раз, даже сама записала в мой ежедневник дату и время этого события, а я благополучно забыла! Но это бы ничего – за неделю я все успею: и подарок, и платье, и настроиться. Папину с Майей свадьбу мы так здорово и весело отгуляли в апреле, а сейчас еще лучше будет – начало июля.

Нет, это еще не упомянутый ушат воды – а вот сейчас он: Левка и дочь Майи, Марина, уже давно влюблены и собираются жениться в сентябре!! Я в шоке! У брата такие перемены в жизни, любовь, а я ничего не заметила, не обратила внимания, как они друг на друга смотрят, за ручки держатся. Нет, я видела, разумеется, но по своей тупости и перегруженности решила, что это братские отношения, и Левка, так же как и Антон с Иваном меня, взял Марину под братскую опеку. О-па! Свадьба! Не ждали? Если честно – нет! Но я рада за них.

Вы думаете, это все, что я пропустила? Правильно думаете, заработалась Марточка, так, глядишь, и суженого пропустишь! Еще одна новость, еще одна часть того же сериала под названием «Да вы шо?! Бывает же так!». Бывший муж Майи, с которым она развелась, когда встретила нашего папу, отец Марины и Алексея, познакомился на одном из семейных праздников (я уж и не упомяну на каком!) с маминой двоюродной сестрой тетей Светой, ну и... Переехал к ней жить в город Долгопрудный под Москвой, и, уже традиционно до отвращения, они собираются жениться!

Столько сахара со сливками и патокой противопоказано категорически!! Для нервов и психики!

Через полтора года после папиного ухода из семьи все пережились, передружились, сплотились большим родственным коллективом, а Левка с Мариной уже ждали ребенка.

Тут надо рассказать про Майю Васильевну. О, это необыкновенная женщина! Энерджайзер! Она настолько энергична, оптимистична, что, если ты в самом плохом настроении и все у тебя фигово, минут через пять общения с ней ты начнешь улыбаться – и уже что-то бодро делаешь, салат режешь, посуду моешь, и все по собственному почину и с большой радостью. Вот так примерно она действует на людей. Маленькая, миниатюрная, шустрая, улыбчивая, очаровательная, великая придумщица и просто гениальный организатор и администратор. Как они могли не сдружиться с мамой? Без вариантов! Теперь они стали близкими подругами и все семейные сборища организуют вдвоем.

И вы знаете что удивительно – жить стало не просто веселее, но и намного легче, выяснилось, что большая дружная семья – это не просто тыл и защита, это еще решение массы проблем наиболее легким способом.

Это мне мама объяснила на примере:

– Если раньше, для того чтобы сделать ремонт, надо было сначала денег накопить, но самое главное, решиться терпеть неудобства, и затягивалось это на месяцы, до нервных срывов и скандалов, то сейчас я просто посоветуюсь с Иваном, он приедет, все рассчитает, прикинет, сколько денег понадобится, пришлет бригаду, а у меня и голова не болит. У нас теперь специалисты в таких разных областях, что спокойно можно зубы лечить, машины продавать-покупать, чинить всю технику, с блюстителем порядка, не приведи бог, общаться, строить, да что угодно! Скопом, любя друг друга, выживать намного легче, чем маленькой семьей и уж тем паче одному.

Для меня такая точка зрения стала открытием, как-то я не задумывалась о нашей новой жизни и вошедших в нее людях со столь практичной стороны.

Да, для полноты сусальной картинке необходимо упомянуть, что все наши бабушки и один дедушка передружились до глубокой привязанности. На тот момент мы имели в наличии наших с Левкой двух бабушек, дедушки, к сожалению, наши умерли, далее, родителей Майи и

Игоря, слава богу, живых, маму бывшего мужа Майи, она же бабушка Маришки и Алексея, и еще одну их двоюродную бабушку. Итого, по бухгалтерии: пять бабушек и один дедушка! Это весьма важный факт, сыгравший значительную роль в том, что произошло далее.

А последовало вот что. Наш великий организатор и генератор идей Майя Васильевна на одном из больших родственных собраний выходного дня двинула идею – результат своих долгих обдумываний.

– Пора бы заняться квартирным вопросом, – звонко и бодро сообщила она и разъяснила, отвечая на посыпавшиеся со всех сторон вопросы: – Надо каждому из детей организовать отдельную квартиру! В первую очередь, Леве и Маришке, им рожать скоро. А то что получается: у детей куча родни, а они на съемной квартире живут. Антон вон не женится никак, имел бы свой угол, глядишь, и невесту уже нашел бы, да и Ивану пора о семье думать. И Марте обязательно нужна приличная квартира недалеко от работы. А то мотается ребенок, ей отдых полноценный требуется, место, где можно расслабиться, а дома у нее мама с Игорем молодожены. Ну и о Лешике надо подумать на будущее. Я считаю, что пора заняться этим вопросом вплотную и всерьез.

В общем и целом со столь сильным заявлением согласились все, особенно мы, именуемые на этом собрании детьми, будущим которых так озаботились старшие товарищи. До поздней ночи обсуждали, рассуждали, предлагали, прикидывали, выясняли, кто у нас в родне по недвижимости...

И началось великое переселение народов, затянувшееся на два года! По напряжениям, закрученным риелторским схемам, неудобствам переселения, ипотечным программам и трудностям, сопровождавшим данный процесс, оно вполне смахивало на Моисея с его сорока годами таскания бедных евреев кругами по пустыне.

Так как от меня не требовалось в данной глобальной рокировке жилплощадями никакого участия, кроме периодического упаковывания своих вещей для перевозки на промежуточное пристанище, оценить весь масштаб проекта мне не довелось. Но наблюдая за реализацией некоторых его этапных пунктов, я вполне прониклась грандиозностью мероприятия.

Например. Я не зря акцентировала внимание на количестве пожилых родственников, именно это обстоятельство было учтено Майей Васильевной прежде всего.

– У нас старики, – делилась она расчетами на первом заседании родового совета, – наши родители живут вместе, а остальные четыре бабушки – отдельно, каждая в своей квартире. И что самое главное, им всем требуется уход и внимание: я говорю о постоянной помощнице по хозяйству, то есть домработнице, и желательно приходящем хотя бы пару раз в неделю, а лучше чаще, медицинском работнике. Поэтому предлагаю нашим старейшинам рассмотреть вопрос совместного проживания. То есть нам тогда можно будет нанимать не пять домработниц, а максимум двух, и медработников, сменяющих друг друга, тоже двоих. И важный момент! Можно купить дом за городом, где им будет всем удобно и для каждого найдется своя комната. Если они хотят оставаться в Москве, тогда либо две квартиры, либо одна большая, решать им. А у нас появляется пять квартир разной стоимости, с которыми можно начинать обмены-переезды.

Честно? Очень сложная задача! Вы когда-нибудь пытались поселить вместе хотя бы двоих стариков? Это полный трюндец! Каждый из них привык жить по своим правилам и законам. У них вещи десятилетиями лежат на одних и тех же местах, у них у каждого свой распорядок дня, друзья-соседи, воспоминания и привычки. А еще поликлиники, собесы, ЖЭКи, отделения милиции, почты, магазины на привычных местах те же десятилетия находятся.

И даже если им неудобно все вышеперечисленное и они ворчат постоянно на то, где и как расположены эти учреждения и как тяжело до них добираться, старики любят их за возможность поворчать и вспомнить, что в их время все было гораздо удобнее придумано и сделано для людей. И хоть тресни, вы ничего им не докажете! Как бы тяжело ни было самим вести хозяйство, но это их хозяйство. А если съехаться с кем, то чье это станет хозяйство, а? А

покапризничать на своей территории в полном своем праве, а? К тому же медики утверждают, что любые перемены в устоявшейся жизни стариков, тем более переезды с насиженных мест, крайне вредны для здоровья и психики пожилых людей.

Поэтому для меня остается совершеннейшей загадкой, как Майе с мамой удалось не просто уговорить наших бабушек съехаться, но и убедить их, что так им будет гораздо лучше жить, и вообще позитивно для здоровья. Я преклоняюсь в восхищении! Особенно если учесть характер нашей бабушки Анастасии Витальевны Галант, папиной мамы – о-о-о! Вы просто не в курсе! Она, разумеется, у нас любимая, родненькая бабулька, но командир еще тот! Вот в кого Левка характером, так это в нее! Уживаться с ней, мягко говоря, трудно. Но наши мамульки умудрились решить и эту проблему и перенаправить сложности характера бабушки Насти в продуктивное русло, а именно на праведную борьбу с правлением поселка, а также строгое слежение за исполнением законов, правил и постановлений существования кооперативно-дачных поселений и какую-то еще правовую лабудень того же порядка.

Ах да, я забыла упомянуть, что на закрытом совещании старейшин клана было решено помочь детям, пойти им навстречу и поселиться всем вместе. И пункт второй: выбрать местом своего проживания загородный дом, не дальше пятидесяти километров от Москвы, лучше ближе.

Ребята, рекомендую! Стало намного удобнее – теперь не надо навещать каждого из бабулек-дедулек по отдельности, вызывая у них легкие приступы ревности, а выказывать свою любовь и заботу всем одновременно, то есть скопом.

Дом им купили большой в приятном поселке, сплошь в величавых соснах, недалеко от Москвы, с расчетом, что и дети-внуки приезжать и останавливаться будут, да и помощницам по хозяйству где-то надо жить. В результате получился трехэтажный теремок с летними пристройками, с баней, летней кухней-беседкой, яблонями-вишнями, кустами ягод на двенадцати сотках. И встала эта «избушка» в о-очень приличные денежки, ну очень! Но деваться некуда – раз ввязались в драку, надо махаться! Родня поднапряглась, крякнула, скинулась, кредиты взяла и проблему решила. Иван со своей бригадой быстро, грамотно и тщательно сделал ремонт и улучшения, и через полгода после речи Майи Васильевны за личную жизнь детей семьи старички заселились в новое жилище.

И что удивительно, у них практически не возникало ссор, непонимания или недовольства друг другом, каждый нашел в этой новой жизни занятие по душе. Ну, про бабушку Настю я уже упомянула – у той священная борьба с чиновничьим беспределом на отдельно взятой территории поселка. Отец Майи и Игоря, Василий Федорович, обнаружил удовольствие в огородничестве, приобщив к нему и жену, Веронику Владимировну, наша вторая бабушка Василиса пристрастилась к долгим пешим прогулкам по окрестностям. Мама бывшего мужа Майи, бабушка Лида, полюбила вязать или читать, сидя на веранде в кресле-качалке и наблюдая за происходящим на участке, ну а двоюродная бабушка Лена страстно увлеклась заготовками разного рода, консервацией и кулинарией.

Вообще у старичков получилась весьма насыщенная жизнь, скажу я вам! Теперь у них прямо вечерний кинозал образовался – они всем «коллективом богадельни», как обозвала их новый статус баб Настя, смотрели новости и любимые передачи, сериалы и за чаем обсуждали, а также делились впечатлениями, кто и как провел день.

Итак, самый сложный и важный пункт глобального проекта Майи был реализован, можно сказать, самым наилучшим образом. И потяну-у-улась цепь переездов, обменов-покупок, временных жилищ из разряда: «перекантоваться с вещами».

Квартирку для меня купили, оформили и предоставили в пользование, когда уже каждый из «детей» имел отдельное жилье. Кроме Левки с Мариной и Степаном, их сынком, моим обожаемым племянником – они, естественно, жили вместе, теперь в трехкомнатной квартире в новостройке.

Вот таким несколько экстравагантным и, прямо скажем, неординарным образом у меня появилась квартира. Уникальная квартирка, сыгравшая важную роль в моей жизни и требующая отдельного рассказа.

Две задачи, поставленные Майей в подборе жилья для меня, были, несомненно, решены: во-первых, это была отдельная, моя личная жилплощадь; во-вторых, от моего дома до офиса ровно восемь минут быстрого шага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.